

ПЛЕТЕНЬ

Вернувшись с фронта и поставив на месте сгнувшейся в лихолетье хаты новую (благо лес под боком), Кузьма, по заведённому со стародавних времён обычаю, обнёс усадьбу ловко сработанным плетнём.

Ивняка у речки – руби, не хочу. Четыре года не резали деревенские лозняк: и корзины плести некому, и особо собирать в них нечего. Заматеревшие ветки – не хмызник-однолетка, прослужили Кузьме долгие послевоенные годы.

Старый тын, иссушенный студёными лютыми ветрами, прожаренный раскалённым летним солнцем, казалось, окаменел. Без него невозможно представить подворья деда Кузьмы.

Изредка в допотопном плетне то там, то тут появлялись бреши (камни, и те времени подвластны). Старик шёл в пойму, нарезал охажку ивняка, смахивал тесаком листву и наглухо замуровывал дыры.

Вьюжными зимами у тына пластались сумёты. Снеги горами наваливались на приседавший под их нахрапом плетень. Оседлав его, залихватски заламывали козырьки над его верхушкой.

По весне Кузьма подпирал рогатулями покосившийся, всё больше сжуривающийся, сгорбленный, словно вековой старикашка, тын. И тот, зарастая за лето глухой крапивой и чистотелом, поскрипывая, покряхтывая, продолжал нести свою неприметную службу.

Иногда дед не доглядывал, и жуликоватый кочет Горлопан проныривал сквозь обветшавшие прутья, скликал на луковые гряды оголтелых пеструшек, и те в одночасье срывали бахчу, купаясь в парной пыли, склёвывая первые огурчики, обирая увесистые кисти перестоявшей смородины.

Подслеповатый Кузьма препоручал внучонку Мишутке обходить дозором плетень, выискивать куриные лазы. Но с каждым разом их объявлялось всё больше и больше. Плетень рассыпался на глазах, умирал.

- Видать, подходит наш черёд, - вздыхал Кузьма, не пытаясь уже ладить отживший свои лета лозинник.

По осени, лишь прибрали бахчу, дед, приспособив в помощники внука, принялся разбирать тын, стаскивая его остатки на зады. Земля казалась неуютной, голой сиротинкой. Приблудная скотина своевольно разгуливая по бахче, копалась в куче повядшего свекольника, подламывала смородиновые кусты, топтала малинник.

Вздыбив шалашом трухлявые плетины, Кузьма запалил кострище. Пристроившись на подвальной раките, дед вынул кiset, достал коробочку с ровно нарезанной газетой, скрутил сигарку. Мишутка хлопотал у огня: пошевеливал прогоравшее, охажками подкидывал извивистые прутья никчемного плетня.

- Выходит, внучок... закончилась страда моя... Не к чему огород городить, - дед прищурился и посмотрел на огонь, словно хотел в нём рассмотреть пережитое, - так вот по пруту, по веточке и жисть прогорела... Закончена моя пахота... Всей землицы в запасе – два метра на Поповке.

- Ты, деда, гляди у меня, не хандри! С кем же я подсолнухи по весне посею? А лузгать, как вырастут, кому стану? А рогатки кто мне меткие сладит? Дрозды без тебя весь вишенник обдёргают!

С того дня дед затужил-захворал и не спускался с печи, а как выполз под Покров на завалинку, пощунял одобрительно: «Ах, вы такие-разэдакие, что ж в тайне держали? Когда ж плетень-то успели сладить?»

Мишутка с отцом съездили на Карюхе в низину, прошлись бережком, опилили ракирки, нарубили ровненьких колышков. Натаскали лозняка. Вбили ракирковые черенки, переплели прутьями. Ракирка – дерево неприхотливое, где воткнёшь, там и прижилась. Ни ветродуи осенские не страшны ей, ни снегаметели.

А под Светлое Воскресенье прибегает Мишутка с улицы.

- Дедка! Плетень зацвёл!

- Молодой-зелёный... Жисть из него наружу прёт. Вот и хорохорится-радуется. Пушай цветёт... твой это плетень, Мишутка, и земляца на подворье - твоя... Береги!